

УДК 93.
ББК 63.3 (2 Рос)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Е. М. Мальшева, Н. А. Гаража

Всестороннее изучение истории Великой Отечественной войны неразрывно связано с анализом основных социальных процессов, характерных для советского общества в тех экстремальных условиях.

Одним из способов приближения к объективной истине в исторической науке является применение в исследовании принципов гносеологического плюрализма. Гносеологический плюрализм — учение о множественности путей в процессе познания, что может означать множественность исходных позиций, множественность методов (способов) познания и многое другое.

Историческая наука имеет дело с самым сложным предметом исследования — человеком и человеческими отношениями. Истина в истории такова, что только совокупность разных точек зрения, каждая из которых освещает лишь часть истины, позволяет приблизиться к ней в целом. Следовательно, плюралистический подход — необходимое условие, вызванное спецификой предмета исследования исторической науки. Новые методологические подходы и школы все больше проникают в отечественную историческую науку, среди которых традиционно выделяют цивилизационный подход, школу «Анналов», различные провиденциалистские методологии и др.

Применение теории локальных цивилизаций как методологии исторического исследования позволяет преодолеть многие минусы формационного подхода. Данная методология преодолевает экономический детерминизм, учитывает влияние на исторический процесс самых разнообразных факторов и, следовательно, позволяет более широко и приближенно к действительности, адекватно реконструировать историю.

Синтез теорий прогресса и теории локальных цивилизаций в значительно большей степени открывает возможность построения методологии, формирующей адекватное цивилизационное сознание. Воспри-

ятие исторического процесса на этой основе также позволяет осознать, что мир бесконечно многообразен и именно поэтому бесконфликтно не может существовать. И в то же время объективность и потребность прогрессивного развития вызывает к жизни необходимость поиска компромиссов, толерантного развития человечества.

Помимо названных подходов, существенным дополнением к развитию современной методологии социальной истории для периода Второй мировой войны является политологический подход, предоставляющий возможность сравнивать политические системы СССР и нацистской Германии, делать объективные выводы об исторических и политических процессах внутри данных систем и в отношениях между ними.

Методологией, широко распространенной в европейской исторической науке, является школа «Анналов». В 1929 г. во Франции стал издаваться журнал «Анналы: экономика – общество – цивилизация», основанный известными историками Марком Блоком и Люсьеном Февром. Особенностью школы «Анналов» является внимание к человеческому сознанию, индивидуальному и массовому, к мировосприятию людей. Марк Блок отмечал, что существует два способа быть беспристрастным: как историк и как судья. Идея М. Блока не в том, чтобы требовать от историка отказа от оценок, в том числе моральных, а в том, чтобы историк не возводил в абсолют систему ценностей только свою и своего поколения. Такой ход рассуждений привел «анналистов» к тому, что они раньше других историков поставили вопрос о необходимости изучения мировосприятия некой массы людей в прошлом. Они ввели в научный оборот термин, который в настоящее время используется в различных науках — ментальность (или, в немецкоязычной транскрипции — менталитет).

При всем разнообразии определений чаще всего о ментальности говорят как об

умонастроении, складе ума — с одной стороны (часто именно в этом смысле употребляются такие выражения, как «ментальность народа»), а с другой стороны — как о мироощущении, мировосприятии людей. В контексте теории школы «Анналов» последнее значение понимается как мировосприятие основной массы людей в прошлом. Школа «Анналов» вывела историческую науку на новый уровень, благодаря которому она старается не потерять человека за жесткими социологическими схемами. Эта теория преодолевает чрезмерный акцент на материальном факторе. Она стимулирует введение в научный оборот совершенно нового круга исторических источников, отражающих повседневную жизнь и быт людей, их мысли и чувства. Наконец, школа «Анналов» обращает наше внимание на различную скорость течения разных исторических процессов. Она выделяет три типа исторического времени: быструю, среднюю и медленную историю: «быстрая история» — это история политическая, где ситуация может меняться каждый день; «средняя история» — это история социально-экономическая, где происходят более медленные процессы; «медленная история» — это история ментальностей, которые меньше всего подвергаются динамичным изменениям [Гольцов 2002: 23]. Таким образом, школа «Анналов» позволяет реконструировать прошлое через взгляд на него человека, жившего в этом прошлом. Данный подход, без сомнения, обогащает историческую науку и приводит к более глубокому пониманию истории.

Теория ментальностей в применении к истории Второй мировой и Великой Отечественной войн позволяет вводить в научный оборот совершенно новый круг исторических источников, отражающих повседневную жизнь людей, их мысли и чувства, и более адекватно реконструировать прошлое через взгляд человека военного поколения. Однако учёт аксиологического фактора вовсе не предполагает того, чтобы каждый историк проявлял мировоззренческую всеядность. Важно, чтобы исследователь, пришедший к определенным результатам под влиянием собственной системы ценностей, не скрывал эту систему и не выдавал свои выводы за единственно правильную интерпретацию исторического процесса. Иначе будет не столько наука, сколько пропаганда. Исследователь, имея право на соб-

ственные убеждения, не должен умалчивать о других выводах и трактовках, которые существуют в иных ценностных координатах, что позволяет увидеть весь комплекс взглядов по сложнейшим вопросам, в результате чего только и можно приблизиться к истине. Как и в случае с гносеологическим плюрализмом, аксиологический плюрализм дает возможность каждому исследователю реализовать кажущиеся ему перспективными подходы.

Обогащает современную методологию исторической науки синергетический подход, который позволяет рассматривать каждую систему как определенное единство порядка и хаоса. Согласно синергетическому подходу, динамика сложных социальных организаций связана с периодическим чередованием ускорения и замедления процесса развития, частичного распада и воссоздания структур, периодическим смещением влияния от центра к периферии и обратно. Частичный возврат в новых условиях к культурным и историческим традициям является, согласно синергетической концепции, необходимым условием поддержания сложной социальной организации. Синергетический подход является существенным дополнением к «линейным» подходам в понимании истории. Он требует использования концепций нелинейной динамики и в настоящее время является фундаментом для изучения исторических альтернатив, переходных периодов общественной истории. Особого внимания заслуживает сложность и непредсказуемость поведения изучаемых систем в периоды их неустойчивого развития, например, во время наивысшего социального напряжения, точках бифуркации, когда несущественные причины могут оказать непосредственное воздействие на выбор вектора общественного развития.

Заслуживают внимания и другие подходы: историко-антропологический, феноменологический, историософский — подход, раскрывающий смысл и назначение исторического процесса. Все они выполняют по отношению друг к другу функцию взаимодополняемости [Тартаковский 1993]. Знание и понимание различных подходов к изучению исторического процесса позволяет преодолеть односторонность в изучении истории, не допускает догматизма, способствует научному пониманию общественных реалий. Вместе с тем, необходимо отметить опасность наметившейся тенденции, ког-

да теория локальных цивилизаций подчас выдается за новую, единственно состоятельную методологию. Исследования, подготовленные в русле этой теории, как правило, не отмечают ее недостатков. Стремление найти новое, единственно правильное учение приведет лишь к замене одной методологической монополии на другую. Наука немислима без многообразия точек зрения и столкновения между ними. Конкретные недостатки данной методологии имеют как сугубо научный, так и морально-политический характер. Так, в рамках данной методологии не разработаны конкретные критерии для понятия *цивилизация* в локальном смысле, отсутствует четкий категориальный аппарат.

В мировой исторической науке известен так называемый волновой подход, акцентирующий внимание на волнообразном характере эволюции сложных социальных систем. Он допускает альтернативные варианты развития человеческого общества и возможность смены вектора развития — не возвращение общества в исходное состояние, а продвижение его по пути модернизации не без участия традиции. Смысл альтернативности в истории как развитие специфического феномена исторического сознания рассматривается в статье С. А. Экштута «Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления» и в переработанном варианте этой статьи в альманахе «Одиссей» [Экштут 2002]. Автор выделяет 5 уровней рассмотрения проблемы поиска исторической альтернативы. Первый уровень: поиск исторической альтернативы ведётся в реальном пространстве и времени (здесь и теперь). Второй уровень: поиск завершён, событие совершилось и приобрело статус исторического факта. Третий уровень: историки получают доступ к документам, открывают скрытые механизмы принятия решений, осознают сам факт наличия в прошлом поиска исторических альтернатив и начинают его изучать. «Оставшиеся в живых непосредственные участники исторических событий, — отмечает С. А. Экштут, — весьма болезненно реагируют на предпринимаемые историками попытки демифологизации, ибо многие мифы стали неотъемлемой частью их биографии». Четвёртый уровень: историк отстраняется от результата истории и сознательно продлевает в своём повествовании ощущение протекания

процесса, пытается дать видение процесса, а не его узнавание. Пятый уровень: историк решает на создание контр-фактической модели исторического прошлого, которая становится объектом неизбежной полемики и фактом историографии.

В 1990-х гг. в сфере специальной популяризации истории широко распространяется идея альтернативности исторического развития в контексте феномена «фольк-хистори». Возникает феномен так называемой «фольк-хистори» и представителей «фольк-хистори» — псевдоисториков, навязывающих реконструкции исторической действительности, не имеющие ни малейшего научного обоснования. Данное явление (А. Т. Фоменко, как известно, является «патриархом» «фольк-хистори») имеет коммерческую направленность, связанную с массовостью и эффективностью товара. Можно согласиться с мнением Д. М. Володихина о том, что классический, центральный жанр «фольк-хистори» вырос из экспансии представителей «точных» наук в гуманитарную сферу — исторические знания формируются для социума специалистами из совершенно других научных областей [Володихин]. Представители «фольк-хистори» не сознают или не хотят признавать, что, как для математического исследования необходимо знать хотя бы элементарные теоремы, так и для исторического исследования необходимо полноценное владение историографией. Едва ли стоит обстоятельно рассматривать «исследования» подобного рода, но игнорировать их все же не следует, так как они отражают масштабные трансформации исторического сознания, в немалой степени связанные и с таким его феноменом, как альтернативность истории.

Противостояние научного сообщества представителям «фольк-хистори» начинается с 1998 г., когда появляется значительное количество критических статей. Необходимо отметить, что феномен «фольк-хистори» так или иначе, пусть в искаженном виде, отражает основные тенденции в современном развитии исторической науки и в принципе способен эвристически повлиять на методологическую рефлексию профессиональных историков, уводя от процесса объективного постижения исторической истины. Дифференцированный подход к использованию и исследованию разнородных по характеру комплексов источников, их углубленный

источниковедческий анализ, использование современных методов позволит с достаточной степенью объективности приблизиться к освещению такого сложнейшего социального и историко-психологического явления, как феномен жизнедеятельности человека и общества в условиях войны, и отражение этого феномена в общественном сознании.

Настоящий подход дает возможность в достаточно полном объеме проследить преломление общих закономерностей социального развития в сложных специфических условиях войны, осветить социальные явления, характерные только для военного времени, выявить и уяснить содержание, роль и место советского государства в системе общественных отношений, в сфере регулирования численности и состава, культурного и образовательного уровня социальных страт общества, оценить влияние войны на динамику численности и изменения населения в целом в этот период.

Наименее исследованным сюжетом многоаспектной проблемы феномена войны как социального и историко-психологического явления с полным основанием можно считать психологию и нравственно-моральные установки непосредственных участников как боевых действий, так и любых экстремальных ситуаций военного времени (оккупация, плен, «несвобода — ограниченная свобода» как пограничные ситуации, террор, страх лишения жизни и т.п.).

Психологические явления, будучи субъектно-личной или частной реальностью, выражаются, в первую очередь, в субъективных источниках, помогающих взглянуть на события изнутри, на индивидуально-личностном уровне их непосредственных участников. Тем не менее, в изучении психологических проблем военного периода приоритетное место занимает историческая наука, и в этом отношении авторами настоящей статьи полностью разделяется мнение доктора исторических наук Е. С. Сенявской — основателя научного направления «Военно-историческая антропология и психология» [Сенявская 1999]. На самом деле, только историческая наука способна восполнить целый ряд пробелов, которые образуются при разработке этих проблем другими научными дисциплинами.

Во-первых, она позволяет изучать эти явления в исторической динамике — т. е. сопоставлять психологические феномены в различных конкретных периодах исто-

рии. Во-вторых, только эта наука дает возможность изучать психологию военного времени в наиболее полном общественном контексте — событийном, духовно-идеологическом, материально-техническом и т.д. И, наконец, в-третьих, историческая наука располагает таким специфическим исследовательским инструментарием, как источниковедение, разработанными методиками анализа исторических источников, то есть всех видов информации о социальной истории военного периода. Историческая наука, не связанная жесткими предметными рамками узко научных дисциплин, способна синтезировать приемы и методы других наук, например, военной психологии и социологии.

Таким образом, для решения поставленных задач необходим глубокий многоаспектный анализ различных комплексов источников личного происхождения. В этом контексте возрастает интерес исследователей и приобретают всё большую востребованность воспоминания, письма, дневники, мемуары, интервью ветеранов, участников боевых действий, тружеников тыла периода Великой Отечественной войны. Именно эти материалы позволяют историку путём анализа комплекса личностного восприятия реконструировать войну как цельную картину.

На основе личных свидетельств людей самых разных профессий, возраста и пола создается объёмный образ Великой Отечественной войны в сознании ее участников и очевидцев. Он призван расширить восприятие событий прошедшей войны, определить новые аспекты изучения проблемы с позиций современной локальной истории. Перегрузки войны, физические и моральные её издержки, высокие требования властных структур различного уровня, тяготы бытовых условий, смерть близких, страдания, подверженность стрессу, страх, надежда, воинственные импульсы и тяга к сохранению жизни проявлялись как психологическая проекция психосоматических состояний личности и различных социальных страт.

Следует отметить, что уникальным видом исторического источника и самым распространенным в советское время средством общения между людьми, а также между обществом и властью, являлись письма. При этом каналом получения интереснейшей, новой и разносторонней инфор-

мации становятся письма военнопленных и оstarбайтеров, рассказывающие об устройстве быта советских людей в состоянии неволи и их чувствах, переживаниях, стратегиях выживания и сохранения этнической и социальной самоидентификации. Поэтому в настоящее время остро стоит вопрос поиска и введения в научный оборот названных источников, их адекватной интерпретации, основанной на глубоком анализе процессов использования подневольного труда в Третьем рейхе на протяжении Второй мировой войны и психологии человека, насильственно лишенного свободы, возможности распоряжаться своей судьбой.

С точки зрения видовой принадлежности письма оstarбайтеров можно рассматривать в следующих основных группах.

Первую выделим в соответствии с адресатом: письма родителям (сдержанные или в той или иной степени с подробными описаниями условий жизни, с просьбами), друзьям (наиболее многочисленны), любимым (предельно эмоциональны), соседям.

Вторая группа определяется в соответствии со временем написания: письма оstarбайтеров, относящиеся непосредственно к хронологии Второй мировой войны, и письма-запросы с описанием условий пребывания бывших восточных рабочих на территории Третьего рейха, направляемые ими в архивы после указов Президента Российской Федерации и постановления Правительства России 1992–1994 гг. о выплате компенсаций бывшим узникам фашистских лагерей, гетто и других мест принудительного содержания. Только в Государственный архив РФ за десятилетие поступило более 150 тысяч писем этой категории. В этих письмах содержатся те детали, те «мелочи» и подробности обстоятельств пребывания в неволе, которые так важны в работе исследователей. Удивительно, но источниковая база истории войны в выделяемом нами аспекте продолжает формироваться и сегодня. Письма принудительных работников и военнопленных собираются непрофильными организациями и учреждениями — газетой «Известия», Ассоциацией бывших военнопленных и т. д.

Третья группа формируется в соответствии с ареалом распространения: письма, отправляемые родным и близким, т. е. на Родину, и письма друзьям, знакомым, также находящимся в Германии. В незамысловатых их текстах содержится множество

уникальных наблюдений и сведений — например, о переживаниях молодой девушкой ее ситуации, об отношении к женщинам-«остам» со стороны немецкого населения и поляков и т. п.

В Германии сейчас наблюдается значительная активизация исследовательского, общественного интереса к теме оstarбайтеров. Издается ряд научных изысканий по теме, проводятся массовые мероприятия, выставки. Систематически проводится уникальный конкурс школьных сочинений об оstarбайтерах. И этот положительный опыт Россия должна, безусловно, перенимать.

Мы считаем, что проблема отношения германского военного и гражданского населения к восточным рабочим требует детального изучения как на уровне концептуальном, так и на уровне иллюстративном — для привлечения сведений свидетелей и участников тех событий.

В целом же данная тема нуждается в детальной разработке и в анализе, который предполагает исследование таких подпроблем, как религиозные воззрения восточных рабочих (духовный аспект), отношения между полами (гендерный аспект), участие «остов» в производстве материального продукта и особенности их работы в военной промышленности (экономический аспект), отношения между социальными группами, т. е. восприятие «остов» немецкими рабочими — и наоборот (социальный, этнический аспекты).

Особенно остро проблема трансформации стереотипов поведения отражалась на таких составляющих общества — социальных стратах, как дети и женщины, включенные в «нетрадиционные» виды деятельности, и вызванной в связи с этими обстоятельствами необходимостью психологической перестройки. Феномен участия женщины в войне был сложным уже в силу особенностей женской психологии, а значит, и восприятия ею фронтовой действительности [Сенявская 1999]. Закономерным следствием становилась психологическая перестройка личности.

Листовки относятся к источникам, которые, с одной стороны, формировали стереотипы массового сознания, с другой — с разной степенью объективности фиксировали деятельность и поступки людей, через которые проявлялся их духовный облик. Теоретическим основанием исследования такого вида источников, как советские листовки,

мы избрали подход к анализу идеологических явлений, суть которого заключается в том, что идеология — это определённого рода деятельность, система субъект-объектных отношений.

Посредством листовок советская идеология в годы Великой Отечественной войны реализовывала следующие из своих основных функций: познавательную (влияла на осознание человеком своего места в социуме, переживающем всевозможные невзгоды военного времени); аксиологическую (формировала систему ценностей и норм поведения); программно-целевую (указывала цели и методы их достижения в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками); социально-организующую (в каждой листовке, в каждом воззвании подчеркивалась организующая и направляющая роль коммунистической партии); защитную (защита Родины и бескомпромиссная борьба с фашизмом до полного его уничтожения — вот цель каждого советского человека).

Основной информационный текст каждой листовки периода Великой Отечественной войны сопровождался целым рядом ярких по своей эмоциональности, но в то же время конкретных и убедительных лозунгов: «Предателям и изменникам нет и не будет пощады!»; «Кровь — за кровь, смерть — за смерть!»; «Смерть немецким оккупантам и их лакеям!» и так далее.

Активность, инстинкт самосохранения, сознание личности, проявляющееся в экстремальных ситуациях и условиях, позволяющих или блокирующих возможность проявить индивидуальные качества, проявляются как способность и способ самовыражения, самоидентификации. «Лозунги сопровождали советского человека на всём протяжении его жизни. Каждый лозунг имел свой психологический, не только массовый, но и индивидуальный смысл, обеспечивая, таким образом, проникновение идеологии в психологию», — пишет К. А. Абульханова [Абульханова 1997: 11]. Так, в обращении к советскому народу 22 июня 1941 г. были точно найдены простые и понятные слова, способствующие осознанию каждым человеком целей войны, поддерживающие уверенность в разгроме врага: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!».

Во время войны сражающаяся сторона остро нуждается в примерах людей, активно борющихся и сопротивляющихся. В

советских листовках военного времени отводится большое место обращениям к населению, содержащим призывы к энергичным действиям в борьбе с оккупантами. Исходя из этого и не претендуя на исчерпывающий характер классификации, нам представляется возможным выделить четыре основных вида листовок:

1. С призывом к борьбе: «Фашистским захватчикам удалось прорваться на Кубань: ... Но недолго придётся гитлеровской сволочи гулять по кубанской земле... Помогайте Красной Армии ускорять это желанное освобождение от фашистского рабства, помогайте всеми силами и способами! Уходите в партизанские отряды, увеличивайте армию народных мстителей!»

2. С призывами к саботажу всех распоряжений немецких властей.

3. Со сведениями о предателях и изменниках.

4. С призывами о необходимости поддержки друг друга людьми, особенно находящимися в такой непосредственной близости к врагу, как в оккупации: «Всячески помогайте беглецам в пути, — говорится в листовке подпольной антифашистской организации «Освобождение Родины» Глинянского района Львовской области. — Накормите их, пустите переночевать. Покажите глухие дороги и сёла, через которые лучше идти, чтобы не попасть в руки гестапо...».

Специфичность идеологического воздействия на общество и отдельную личность заключается в том, что оно на один и тот же объект может действовать многократно. В процессе войны, в разные её периоды и с различных сторон советские граждане, германские оккупационные власти и войска вермахта подвергались обоюдному идеологическому воздействию. При этом задачи политической работы и, соответственно, использовавшийся пропагандистский инструментарий претерпевали изменения в течение каждого периода войны, главным образом, исходя из необходимости меняющейся военной обстановки и вследствие политики партии, державшей под строгим контролем идеологию государства.

В столь грозном и в высшей степени непримиримом противостоянии могла победить только та система приоритетов и ценностей, которая, безусловно, была не просто объективно справедливой, но и наиболее укоренённой в структуре личности под-

держивающих её людей. Можно констатировать, что мощная, всесторонняя, целенаправленная советская пропаганда в период Великой Отечественной войны эффективно выполнила свои функции.

В настоящее время проблематика Второй мировой и Великой Отечественной войн переживает свое возрождение, несмотря на то, что события уже достаточно далеко отстоят от современных поколений россиян. Об этом позволяют судить новейшие веяния в западной историографии, изменения в методологии отечественных исследований, неугасаемый исследовательский интерес к проблематике войн и вооруженных конфликтов, а также тенденции последних лет — дискуссия о пересмотре итогов Второй мировой войны, более того, конкретные действия, направленные на реабилитацию фашизма и предпринимаемые в ряде государств постсоветского пространства.

Пересмотр итогов войны открывает путь к пересмотру решений Нюрнберга. Последствием может стать возрождение старой, «донюрнбергской», морали с ее представлениями о естественности и нормальности межгосударственных войн и неравноправном положении этнических групп. Отличительной особенностью описываемого процесса становится его неявный, латентный характер. Большинство прецедентов либо позиционируется в формате локальных конфликтов, либо декларируется, что они не

имеют прямого отношения к пересмотру итогов Второй мировой войны. Тем не менее, процесс принимает весьма устойчивый характер, и научное сообщество не может пройти мимо данного факта.

Поэтому, на наш взгляд, честные, строго научные исследования по истории Второй мировой войны имеют в настоящее время выраженную и исследовательскую, и практическую компоненту актуальности, большое общественно-политическое значение, так как являются существенным вкладом в высокую гуманную миссию сохранения исторической памяти народа о войне и формирования индивидуального нравственного поля новых поколений. Тем более, что и современная ситуация в России ярко демонстрирует идеологический вакуум, дефицит национальной идеи. Слово «идеологический» мы употребляем, безусловно, в позитивном смысле — как концентрирующий в себе генерализующие идеи, идеалы и ценности общества и отдельного индивида.

Одной из методологических особенностей источниковедческих подходов к научной интерпретации социальной истории периода Великой Отечественной войны является как проявляемое современными исследователями внимание к ранее мало исследованным проблемам войны, так и привнесение существенных корректив в методические и смысловые характеристики исследуемых сюжетов.

Литература

- Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Ин-т психологии РАН, 1997. 336 с.
- Володихин Д. М. [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.net/library/id_148.html/ (дата обращения: 04.06.2013).
- Гольцов В. И. Введение в историю. Научно-методические и методологические аспекты исторической науки: учеб. пособие. Самара: Самар. ун-т, 2002. 45 с.

- Сенявская Е. С. Женщина на войне глазами мужчин (Психологический экскурс в историю России) // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. Мирвосприятие и самосознание российского общества. М.: Издат. центр Ин-та рос. истории РАН, 1999. Вып. 3. 1999. 250 с.
- Тартаковский М. С. Историсофия. Мировая история как эксперимент и загадка. М.: Прометей, 1993. 336 с.
- Экштут С. А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историсофского осмысления // Одиссей. 2002. № 3. С. 5–58.

References

- Abulkhanova K. A. [Russian Mentality: Cross-cultural and Typological Approaches]. In: [Russian Mentality: Issues of Psychological Theory and Practice]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS, 1997. 336 p. (In Russ.)
- Ekshut S. A. [Conjunctive Mood in History: Incarnation of an Incompletion. Experience of Historiosophical Reflection]. *Odyssey*. 2002. No. 3. Pp. 5–58. (In Russ.)
- Goltsov V. I. [Introduction to History. Scientific and Methodological Aspects of Historical Science]. Samara: Samara University, 2002. 45 p. (In Russ.)

- Senyavskaya E. S. [Woman at War through the Eyes of Men (Psychological Excursion into Russian History)]. In: [Russian Mentality: Methods and Problems of Study. World Perception and Self-consciousness of Russian Society]. Iss. 3. Moscow: Institute of Russian History of the RAS, 1999. 250 p. (In Russ.)
- Tartakovsky M. S. [Historiosophy. World History as Experiment and Mystery]. Moscow: Prometei, 1993. 336 p. (In Russ.)
- Volodikhin D. M. An Internet resource: http://scepsis.net/library/id_148.html/ (accessed: June 4, 2013). (In Russ.)